

Т. Н. ДЖАКСОН, А. А. МОЛЧАНОВ

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЕ НАЗВАНИЕ НОВГОРОДА В ТОПОНИМИИ ПУТИ «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Вопрос о происхождении и значении древнескандинавского названия Новгорода остается предметом оживленной научной дискуссии. До сих пор высказывались четыре основные точки зрения по этому вопросу. *Hólmgarðr* понимают как: 1) «Ильменский город» («Ильмень» > *Hólm*), 2) «город на острове, островной город» (от *hólmr* «остров»), 3) «поселения в островной (во время паводка на Волхове) местности», 4) «Холм-город (т. е. укрепленное поселение Холм)» (учитывая существование древнего топонима «Холм» — названием урочища в южной части территории Славенского конца в Новгороде).

Сторонников у первого толкования нашлось совсем немного,¹ да и не все они до конца были уверены в правомерности подобной трактовки.² По справедливому заключению Е. А. Рыдзевской, это объяснение «неудовлетворительно прежде всего с фонетической точки зрения».³

Большинство исследователей видит в топониме *Hólmgarðr* «город на острове»,⁴ поскольку основное значение древнескандинавского

¹ *Müllenhoff K.* Zeugnisse und Excurse zur Deutschen Heldensaga // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. Berlin, 1860. Bd 12, Ht. 1—2. S. 346; *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 74, примеч. 75; *Зап. имп. Русск. археол. о-ва*. 1913. Т. IX. С. 357.

² Ср.: «Или, быть может, *Hólm*=Ильменю, в переделке, соответствующей древноржевскому *hólmr*?» (*Томсен В.* Начало русского государства. С. 74. Примеч. 75).

³ *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древнесеверный *Holmgardr* // *Изв. Российской академии истории материальной культуры*. Пг., 1922. Т. 2. С. 105—106.

⁴ Ср.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. I. Примеч. 97; *Munch P. A.* Om Nordboernes Forbindelser med Rusland og tilgrænsende Lande // *Munch P. A.* Samlede Afbandlinger. Christiania, 1874. В. II. С. 264; *Кунин А. А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. II. С. 106; *Mikkola J. J.* Om några ortnamn i Gardariko // *Arkiv för nordisk filologi*. Lund, 1907. В. XXIII, h. 3. S. 279; *Мицкола П.* Ostrogard—Holmgardr // *Сб. Ист.-филол. о-ва Харьков. ун-та*, 1908. Т. 13. С. 27; *Łowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw Słowiańskich.

существительного *hólmr* — «остров». Однако Е. А. Рыдзевская вслед за Ф. А. Брауном указала на то, что «вторая часть его — русское слово „город“ в скандинавской передаче», и если первая часть скандинавская, то название получается «смешанное по своему составу и маловероятное». ⁵ Нам представляется, что следует четко различать момент возникновения данного топонима и остальной период его функционирования в языке. Так, в равной степени маловероятно и то, что могло возникнуть составное скандинаво-славянское имя, и то, что его такое исходное двуязычное значение могло сохраниться в процессе использования топонима скандинавами (в языке которых существовали *hólmr*—«остров», *gardr*—«усадебный двор», а также имена собственные с составляющими *hólm-* и *gard-*).

Автором третьего объяснения топонима *Hólmgardr* теперь принято почему-то считать норвежского слависта Б. Клейбера, ⁶ хотя приоритет здесь в действительности ему не принадлежит. ⁷ Так, Н. М. Карамзин, исходя из неверного, на наш взгляд, постулата (по его мнению, «*Gard* знаменует не только город, но и страну» ⁸), заключил, что *Hólmgardr* означает «землю островов, *insularum regio*, или «город на острове». ⁹ Истолкование Клейбера является явным заимствованием из сочинения Карамзина, ссылка на которого отсутствует (хотя известно, что Клейбер был знаком с трудами русских историков). Однако если Карамзин шел в своем толковании топонима от семантики составляющих его корней, то Клейбер идет несколько иным путем: начиная с утверждения, что *Hólmgardr* означает «город на острове; островной город», он затем приводит ряд топографических данных, которые должны, по его мнению, доказать, что значение топонима иное, а именно «островная область».

Гипотеза Клейбера вызывает большие сомнения. Во-первых, внеисторично само топографическое описание: автор приводит данные, характеризующие современное состояние Ильменя, в то время как в интересующий его и нас хронологический период уровень воды в озере и вытекающем из него Волхове был намного ниже. ¹⁰ Во-вторых, материал скандинавских саг находится в противоречии с утверждением, что скандинавы попадали в Приильменье в период

Warszawa; 1957. S. 156, prz. 568; Греков Б. Д. Киевская Русь // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 356; Мурзаев Э. М. Словарь народных топонимических терминов. М., 1984. С. 595.

⁵ Рыдзевская Е. А. Холм в Новгороде... С. 110.

⁶ Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen aus Gardaríke // Scando-Slavica. 1957. T. 3. S. 215—218.

⁷ Ср.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 115, примеч. 18.

⁸ Карамзин скорее всего позаимствовал этот тезис у Г. Ф. Миллера (ср.: Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода... // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Июль 1761 года. СПб., 1761. С. 6).

⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Примеч. 97 к т. I, гл. II (стб. 42 «Примечаний к I тому»).

¹⁰ Ср., например, данные об оз. Ильмень, приведенные в кн. «Развитие и преобразование географической среды (по материалам Новгородской области)» (Л., 1975. Вып. 1—2); Ильина Л., Грахов А. Волхов. Л., 1980.

весеннего паводка.¹¹ В-третьих, в системе доказательств отсутствует лингвистическая аргументация: ведь если hólmg все же означает «остров»,¹² то gardr при всех натяжках и допущениях не может соответствовать латинскому regio.¹³

У Клейбера, однако, есть сторонники и последователи. Принимая его мнение и обосновывая свой вывод, что «древнейшим восточноевропейским топонимом в Скандинавии было название местности, где кончался прямой (без волоков) водный путь (Финский залив—Нева—Ладожское озеро—Волхов)», Е. А. Мельникова считает, что «название Руси Gardr» есть «производное от Hólmgardr». Здесь же в исправление допущенной неточности (ибо имя Руси не Gardr, а Gardar — форма множественного числа) следует уточнение: «...употребляется почти исключительно во множественном числе».¹⁴ Древнескандинавский материал не дает возможности принять и это уточнение, поскольку в качестве обозначения Руси *всегда* выступает форма множественного числа. В другой работе та же исследовательница несколько иначе формулирует свою мысль: «Если согласиться с толкованием Б. Клейбера названия Hólmgardr именно как обозначения местности, а не населенного пункта, то допустимо предположить, что первоначальным было название Hólmgardar (множественное число), из которого возникла сокращенная форма Gardar».¹⁵ Но подобное допущение опровергается тем фактом (отмечаемым, кстати, и самой Мельниковой), что форма множественного числа — Hólmgardar — зафиксирована лишь в поздних сагах.¹⁶ Однако само по себе достаточно осторожное предположение Мельниковой оказывается для Д. А. Мачинского «убедительным доказательством»,

¹¹ Джексон Т. Н. О названии Руси Gardar // Scando-Slavica. 1984. Т. 30. С. 141.

¹² Небезынтересно, что Клейбер в другом случае — при истолковании топонима Vitahólmr — определяет значение той же основы hólmg- как «холм» (Kleiber В. Alstadstenen i lysset av nye utgravninger ved Kiev // Viking. 1965. В. 29. S. 70).

¹³ Древнескандинавское слово gardr имеет следующие значения: 1) ограда, забор, укрепление, 2) двор, огороженное пространство, 3) двор, владение (княжеский двор), небольшое владение, земельный участок, хутор (в Исландии), дом (в Норвегии).

¹⁴ Мельникова Е. А. 1) Восточноевропейские топонимы с корнем gard- в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. XXII. С. 204, 205; ср.: 2) Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний—Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13—15 октября 1982 г. и посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984. С. 128—129.

¹⁵ Мельникова Е. А. 1) Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. С. 203; ср.: 2) Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 46—49. — Здесь реконструируется еще более сложный путь возникновения топонима Gardar через «вычленение... наиболее общей, абстрактной части» ойконима Hólmgardr/Hólmgardar.

¹⁶ Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы... С. 204. — Этой поправки, к сожалению, не учел В. Я. Петрухин в комментарии к кн.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 286.

в результате чего Hólmgarðr превращается у него в «огороженные усадьбы на острове (в островной местности)» и становится обозначением того же региона, что и «остров русов» Ибн-Русте и других арабских авторов X—XI вв.¹⁷ Принимая выводы, к которым пришли Клейбер и его последователи, Е. Н. Носов переводит Hólmgarðr как «островная местность», «поселения в островной местности» и даже как «страна островных хуторов».¹⁸ К клейберовскому пониманию значения основы hólм- в том же топониме склоняется и Г. Шрамм.¹⁹ Но, как видим, подобные объяснения названия Hólmgarðr с лингвистической точки зрения далеко не безупречны.

Перейдем теперь к рассмотрению последней, четвертой, версии происхождения топонима Hólmgarðr. На «возможную близость» между названиями «Холм» (древний топоним, локализуемый в Славенском конце средневекового Новгорода) и Hólmgarðr указала еще Е. А. Рыдзевская.²⁰ Ее мнение встретило настолько широкую поддержку у специалистов, что это предопределило выбор места для раскопок Новгородской археологической экспедиции ГАИМК в 1932 г.²¹ Позднее В. Л. Янин и М. Х. Алешковский высказали предположение, что в древнескандинавском языке используется «древнейшее самоназвание Новгорода, вернее одной из его составляющих, восходящее к той эпохе, когда самый феномен Новгорода в виде политической федерации поселков с общей для них цитаделью еще не возник».²² Таким образом, исследователями по-прежнему ставится вопрос: не заключено ли в топониме Hólmgarðr наиболее ран-

¹⁷ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 21.

¹⁸ Носов Е. Н. 1) Скандинавские древности на поселениях Поволжья // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 192; 2) Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 96; 3) Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных: (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 32, 33; 4) Новгород и новгородская округа: (к вопросу о возникновении Новгорода) // Древнерусский город: (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 90, 91. — См. и другие работы этого автора. Ср. также: Хорошев А. С. Происхождение Новгорода в отечественной историографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1983. № 6. С. 52.

¹⁹ Schramm G. Die normannischen Namen für KIEV und NOVGOROD // Russia Mediaevalis. München, 1984. T. V, 1. S. 103.

²⁰ Рыдзевская Е. А. Холм в Новгороде. . . С. 105, 110, 111.

²¹ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 55. С. 10; ср.: Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 9.

²² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 41; см. также: Молчанов А. А. О социальной структуре Новгорода начала XI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1976. № 2. С. 93, примеч. 7; Хабургаев Г. А. Этнохимия «Повести временных лет». М., 1979. С. 223, примеч. 135.

нее название поселка на Славне — «Холмгород»?²³ Лингвистические материалы позволяют, на наш взгляд, дать положительный ответ на этот вопрос. Совокупный анализ топонимов Gardar (древнейшего скандинавского названия Руси) и Hólmgardr показывает, что они образовались практически в одно и то же время, по всей вероятности к концу IX в., когда корень gard- в их составе был семантически почти тождествен древнерусскому ГОРОДЪ (в значении «укрепленное место, огороженное поселение») и тем легче приравнивался к нему благодаря фонетическому сходству. Поскольку вторая часть топонима Hólmgardr воспроизводила местную топооснову, логичнее всего думать, что и первая часть данного композита не могла быть собственно скандинавской, а являлась транскрипцией древнерусского ХЪЛМЪ.²⁴ Согласно такому ходу рассуждения, форма Hólmgardr в момент своего возникновения представляла собой не что иное, как отражение самоназвания некоего «Холмгорода» («укрепленного поселения Холм»), ставшего затем составляющей Новгорода.²⁵ (О тождестве Холмгорода и Новгорода говорят и сами саги: «Главный стол конунга Гардов находится в Холмгарде, который теперь зовется Ногардар»²⁶). Лишь впоследствии, надо полагать, народная этимология связала Hólmgardr (=Холмгород) с древнескандинавским hólmr-«остров».²⁷

И все же решающими при рассмотрении давно интересующего историков и лингвистов вопроса о происхождении и значении древнескандинавского наименования Новгорода должны несомненно оказаться данные, полученные при исследовании всего комплекса сложных топонимов на -gardr.²⁸ В состав этого топонимического ряда вхо-

²³ Янин В. Л. 1) Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 218—219; 2) Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 83; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. С. 406, 410; Янин В. Л., Рыбина Е. А. Открытие древнего Новгорода // Путешествия в древность. М., 1983. С. 131.

²⁴ Признавая, что существует несомненная связь между древнерусским ХЪЛМЪ и древнескандинавским Hólmgardr, современный норманист Х. Бирнбаум не может решить, в каком из них следует видеть первичное обозначение самого раннего поселения норманнов на Руси; в то же время Новгород он считает «новым городом» (по отношению к старому на окружающих островах) (по Б. Клейберу), возникшим в результате ирригационных работ (Birnbäum Н. On the Prehistory and Early History of Old Novgorod // Birnbäum Н. Essays in Early Slavic Civilization. München, 1981. P. 164—165).

²⁵ См.: Джаксон Т. Н. 1) О названии Руси Gardar. С. 133—143; 2) Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: О возникновении топонимов Gardar и Hólmgardr // Скандинавский сборник, Таллин, 1986. Вып. XXX. С. 85—95.

²⁶ «Í Hólmgardaborg er mest atsetr Gardakonúngs, þat er nú kallat Nógardar» (Fornaldarsögur norðrlanda, С. Rafn. København, 1830, В. III. S. 362).

²⁷ Ср.: «остров, ранее открытый Гардаром» в анонимной «Истории Норвегии» (ок. 1170 г.); военные действия «на островах и мысах» Хольмгарда в «Саге о фарерцах» (ок. 1220 г.). См.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий. М., 1987. Примеч. 3 к IV, 2 и 3 к XII. 3.

²⁸ Безусловно права Е. А. Мельникова, заключившая, что «все восточно-европейские топонимы с корнем gard- тесно связаны и образуют единый комплекс»,

дят Hólmgarðr, Kænugarðr и Miklagarðr — названия трех главных пунктов на маршруте следования купеческих караванов и разного рода экспедиций по пути «из варяг в греки». Большая часть этого пути проходила по территории Руси, именовавшейся пересекавшими ее «находниками-варягами» сначала Gardar — «Гарды (= укрепления)»,²⁹ а позднее Gardariki — «Страна гардов (= городов)».³⁰

Образованные по единой модели, восточноевропейские топонимы на -garðr коренным образом отличаются в этом отношении от прочих географических названий того же региона в древнескандинавской передаче (ср., например, Mógamar-«Муром», Súrðalar-«Суздаль», Palteskja-«Полоцк») и образуют компактную группу. Составляющие элементы данного топонимического комплекса помимо структурного сходства должны были обладать, судя по всему, и еще двумя общими особенностями: определенной пространственной и временной очередностью в процессе адаптации иноязычных ономастических лексем при достаточно узких хронологических рамках этого процесса (установление в IX в. прямого транзитного сообщения через Восточную Европу по волховско-днепровскому пути шло для скандинавов поэтапно с севера на юг),³¹ а также следованием одному типу уподобления. Второй момент особенно важен для нас, потому что, только ответив положительно на вопрос, свойственна ли прочим топонимам на -garðr ориентировка на фонетический облик географического самоназвания, мы сможем с полным основанием утверждать, что этот принцип был единственно возможным и для образования первого из этих топонимов, а значит, начальная часть композита Hólmgarðr восходит к древнерусскому ХЪЛМЪ и лишь была переосмыслена в связи с древнескандинавским hólmg-«остров».

Первый источник топонимической информации о «гардах» будущего пути «из варяг в греки» для скандинавов должен был находиться где-то в самом его начале, в зоне наиболее активных варяжско-русских контактов на самом раннем этапе их развития, т. е. скорее всего в Южном Приладожье (выходцы из Скандинавии появились

а потому «изолированное рассмотрение одного какого-либо топонима не может привести к убедительным результатам» (*Мельникова Е. А.* Восточноевропейские топонимы. . . С. 208). Ср. также: *Бутков П.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 114.

²⁹ Древнескандинавское наименование Руси Gardar возникает, судя по всему, где-то во второй половине IX в., будучи первоначально всего лишь транскрипцией древнерусского термина, который применялся для обозначения цепочки укрепленных пунктов, встречавшихся всякому, кто направлялся тогда из Скандинавии по Волховскому пути (см.: *Джаксон Т. Н.* Наименование Древней Руси и Новгорода. . . С. 87—92).

³⁰ Древнескандинавскому garðr в восточноевропейской топонимии соответствовал контаминированный с ним термин ГОРОДЪ / ГРАДЪ, означавший в древнерусском языке и «укрепленное место, огороженное поселение», и «город» в привычном для нас смысле.

³¹ *Лебедев Г. С.* Путь из Варяг в Греки // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. История, язык, литература. 1975. Вып. 4. С. 40, 41; *Lebedev G. S.* On the Early Date of the Way «from the Varangians to the Greeks» // *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinki, 1980. P. 90—101.

в Ладого еще во второй половине VIII в.³²). В этом же районе — на Волховском пути между Ладожским озером и озером Ильмень — зарождается контаминация ГОРОД ~ gardr и возникает топоним Gardar. Здесь же — у истока Волхова — локализуется и первый конкретный восточноевропейский «гард» — Hólmgardr. Однако вполне очевидно, что окончательное решение вопроса о происхождении более раннего топонима Hólmgardr невозможно без предварительного учета соответствующих данных и выводов о двух других, родственных ему топонимах на пути «из варяг в греки» — Kœnugardr и Miklagardr.

Kœnugardr встречается в несколько ином круге древнескандинавских источников, чем Hólmgardr: это описание земли по рукописи AM 194, 8° последней четверти XII в.; географическое сочинение «Какие земли лежат в мире», сохранившееся в рукописи первой трети XIV в. Hauksbók (но, возможно, более раннее); «Деяния датчан» Саксона Грамматика (1208 г.) (в форме Söpnogardia); записанный до 1220 г. (вероятно, в 1180—1200 гг.) фрагмент «Саги о Скъльдунгах»; написанная около 1250 г. и восходящая к германскому героическому эпосу «Сага о Тидреке»; датируемая второй половиной XIII в. «Сага о крещении»; составленная в конце XIII в. и сохранившаяся в рукописи Flateyjarbók (1380—1394 гг.) «Сага об Эймунде»; описание земли по рукописи AM 764, 4° второй половины XIV в.; целый ряд поздних (по сравнению с королевскими) саг о древних временах — «Сага об Одде-Стреле», «Сага о Хрольве Пешеходе», «Сага о конунге Гаутреке» и др.

Итак, Киева (Kœnugardr) нет в рунических надписях X—XI вв., нет его в скальдических стихах X—XII вв., нет и в королевских сагах (за исключением «Саги об Эймунде»). Сопоставление королевских саг и саг о древних временах приводит к выводу, что расширение сюжетов саг о древних временах идет помимо усиления сказочных деталей путем уточнения или введения в текст реальных географических знаний, отсутствующих в традиции королевских саг. Это позволяет говорить о наличии в Скандинавии ряда этногеографических традиций, нашедших отражение в различных жанрах древнескандинавской письменности. Сам же факт принадлежности названия Kœnugardr к рассматриваемому топонимическому ряду на -gardr, в котором Hólmgardr зафиксирован уже в рунической надписи первой половины XI в.,³³ а Miklagardr — в висе скальда Бельверка, сына Арнора, датируемой второй третью XI в.,³⁴ равно как и промежуточное положение Киева между Новгородом и Константинополем на пути «из варяг в греки», освоенном скандинавами уже в IX в.,

³² Ср.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 85—90; Рябикин Е. А. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладого // Скандинавский сборник. Таллин, 1980. Вып. XXV. С. 161—177; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 210—211.

³³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 89.

³⁴ См.: Jónsson F. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. A. Text efter Håndskriftene. København, 1967 (reprint). B. 1. S. 385.

указывает на его появление почти в то же самое время, что и топонима Hólmgarðr. Однако отмеченная нами выше временная (связанная с пространственной) последовательность возникновения древнескандинавской топонимии Древней Руси сказалась в том, что топоним Kœnugarðr не вошел (точнее — не успел войти) в традицию королевских саг, где столицей Руси и центром всех происходящих на Руси событий стал несколько опередивший Киев в контактах с «находниками-варягами» Hólmgarðr.³⁵

Полагая, что древнескандинавская форма Kœnugarðr вторична по отношению к латиноязычной Chun(i)gard, а также следуя в толковании латиноязычной формы за схолиастом Адама Бременского³⁶ и Хельмольдом,³⁷ ряд исследователей XIX в. связывал начальную часть топонима Kœnugarðr с гуннами,³⁸ сведения о которых якобы дошли до Скандинавии через немцев и англосаксов.³⁹ Противник «гуннской теории» С. Рожнецкий совершенно справедливо отметил возникающие при таком толковании «лингвистические затруднения», а также невероятность того, «чтобы скандинавы, сами имевшие не посредственные сношения с Русью, получили свои известия о ней окольной дорогой».⁴⁰

На древнерусский прототип топонима Kœnugarðr — «Киян(ов) город», — пережиточно сохранившийся в былинах, первым указал И. Миккола,⁴¹ мнение которого поддержали затем многие исследователи.⁴² При этом В. Томсен, Б. Хессельман и Я. де Фрисом подчеркивалась одна весьма существенная деталь: превращение первой части исходного топонимического компонента в Kœni- является следствием народноэтимологического преобразования, ориентирующегося на древнескандинавское kœna-«людка особого вида».

³⁵ См.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности.

³⁶ Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961. S. 450 (lib. IV, schol. 120).

³⁷ Гельмольд. Славянская хроника / Предисл., пер. и примеч. Л. В. Разумовской. М., 1963. С. 33.

³⁸ Шафарик П. П. Славянские древности. М., 1848. Т. II, кн. 1. С. 152; Münch P. A. Om Nordboernes Forbindelser. . . S. 266; Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I. С. 81—82; Брун Ф. К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. II. С. 294, и др.

³⁹ Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри. . . С. 81—82.

⁴⁰ Рожнецкий С. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // Изв. Отд. ния русского языка и словесности Академии наук. 1911. Т. XVI, кн. 1. С. 28.

⁴¹ Mikkoala J. J. Om några ortnamn i Gardarike. S. 279—280.

⁴² Ср.: Рожнецкий С. Из истории Киева. . . С. 28—63; Thomsen V. Samlede Afhandlinger. København, 1919. B. 1. S. 314; Hesselman B. Kritiska småbidrag till fornisländsk ordhistoria // Göteborgs Högskolas Årsskrift. 1925. B. XXXI, h. 2. S. 105—111; Брим В. А. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. ние обществ. наук, 1931. С. 236; Metzenthin E. M. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 61—62; Stender-Petersen Ad. Etudes varègues. V. La théorie de l'origine varègue de la byline Russe // Classica et Mediaevalia. Copenhagen, 1946. V. 8, fasc. 1. P. 132—133; Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977. S. 342; Die normannischen Namen. . . S. 77—87.

Общепринятым можно теперь считать мнение, что прототипом для *Kœnugardr* послужил ***КЫЯН(ОВ)Ъ-ГОРОДЪ** — былинный вариант топонима **КЫЕВЪ**, восходящий к широко распространенному древнему наименованию Киева, бытовавшему в устной речи и вошедшему в лексикон русских эпических песен. Его первый компонент образован как посессивная форма непосредственно от этникона **КЫЯНЕ** (nom. plur.) — «жители Киева, уроженцы Киева, киевляне», — неоднократно засвидетельствованного в летописях. Скандинавская же народная этимология данного топонима, возможно, имела в виду известную роль Киева как места сбора построенных в различных пунктах Днепровского бассейна лодок-однодеревок (Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 9). Итак, местный древнерусский источник рассмотренной изоглоссы не вызывает сомнений.⁴³

Первая часть древнескандинавского топонима *Miklagardr*, обозначающего столицу Византийской империи — Константинополь, возводится вполне основательно к прилагательному *mikill* — «большой, великий».⁴⁴ В трех сводах королевских саг («Обзоре саг о норвежских конунгах», ок. 1190 г., «Красивой коже», ок. 1220 г. и «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона, ок. 1230 г.) вместо композита *Miklagardr* синонимически употребляется (по одному разу в каждом своде) его усеченный вариант *Gardr*.⁴⁵ Примечательно, что в ряде поздних саг «греческий конунг» именуется не только *Grikkjakonungr*, но и *Gardskonungr* — «конунг Гарда, т. е. Миклагарда». В обоих вариантах древнескандинавского названия Константинополя основу *gard-* надо, разумеется, переводить как «город» (эта однозначность определяется особенностями самой обозначаемой реалии, несопоставимой по масштабу ни с одним из привычных для скандинавов их собственных «гардов»). Это в свою очередь ясно указывает на влияние славяно-русской топонимической традиции,⁴⁶ поскольку очевидна связь и того и другого варианта рассматриваемого топонима — *Miklagardr* и *Gardr* — с обиходными греческими наименованиями Константинополя — *Βασιλεύουσα πόλις* («царственный город»), *Βασιλις πόλις* («царица-город») и *πόλις* («город»), причем через древнерусское посредство (ср. ЦАРЬ-ГОРОДЪ / ЦАРЬ-ГРАДЪ со значением не только «царственный город», «город кесаря» и т. п., но и «первенствующий, выдающийся, великий город» и просто ГРАДЪ в значе-

⁴³ Поскольку древнескандинавский вариант названия Киева явно вторичен как результат фонетического уподобления и семантического переосмысления по отношению к местному топониму, он, естественно, не может служить исходным материалом для каких бы то ни было фонетических и этимологических реконструкций исходной топонимии (ср., напр.: Яйленко В. П. Тюрки, венгры и Киев: к происхождению названия города // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 40—41).

⁴⁴ См.: *Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 427—428.*

⁴⁵ Ср.: *Bornhólmr* и *Hólmr* — пара топонимов для обозначения о-ва Борнхольм.

⁴⁶ Проникновение названия *Miklagardr* «в Скандинавию через Россию» отмечал еще В. Томсен (*Томсен В. Начало русского государства. С. 74, примеч. 73*).

нии «Константинополь как город по преимуществу» в Начальной летописи⁴⁷). Однако влияние прототипов здесь не сводится только к калькированию греческого и славяно-перусского топонимического эквивалентов (сам принцип буквального перевода греческих названий столицы империи ромеев восходит к южнославянской топонимической традиции). В данном случае мы вновь встречаемся с фонетическим уподоблением. Дело в том, что наряду с приведенными выше синонимами Константинополя к числу наиболее употребительных у византийцев в IX в. (когда складывается путь «из варяг в греки») принадлежал термин *μεγαλόπολις, μεγάλη πόλις* («великий город»).⁴⁸ С первой частью этого композита не мог не сближаться по созвучию тождественный ему по смыслу соответствующий элемент сложного топонима *Miklagarðr*.⁴⁹

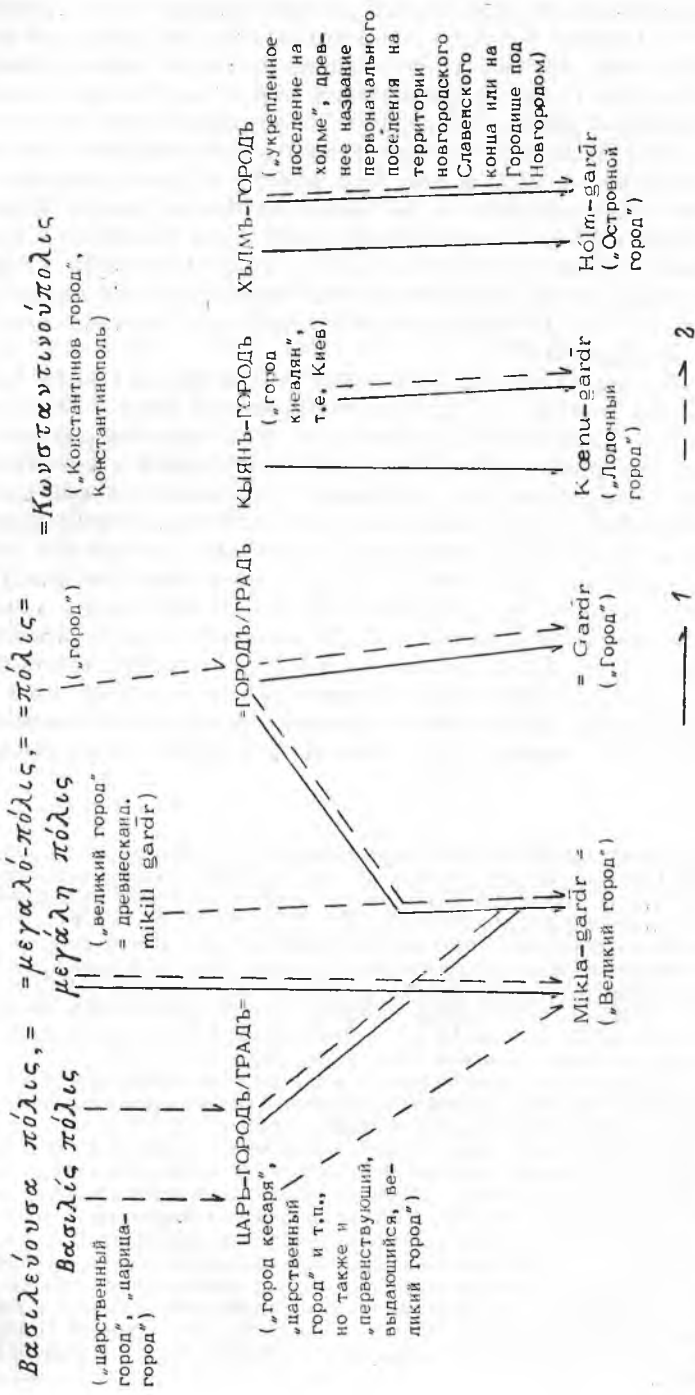
Таким образом, в оформлении обеих рассмотренных выше древнескандинавских лексем единого топонимического ряда — *Kœnugarðr* и *Miklagarðr* — может быть прослежена одна общая тенденция к обязательному воспроизведению фонетического облика адекватных им иноязычных географических названий. Поскольку начало цепочки восточноевропейских топонимов на *-garðr* и ее первый информационный источник находились на берегах Волхова, то там же следует искать и первый импульс всей указанной тенденции (см. рис.). Следовательно, именно форма *Hólmgarðr* послужила здесь исходной словообразовательной моделью и в ней должен был быть реализован, причем ранее всего (так сказать, «в первую голову»), принцип фонетического уподобления (аналогичный принцип соблюдался древними скандинавами достаточно регулярно при передаче иноязычной топонимии⁵⁰). А значит, прототипом для древнескандинавского

⁴⁷ Просто «градом» назван Константинополь в русских переводах договоров с Византией Олега и Игоря, а также в «цитируемых» летописцем посланиях императора Иоанна Цимисхия и киевского князя Святослава Игоревича друг другу (Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 25, 36, 50, 51).

⁴⁸ О наименованиях столицы Византийской империи, бытовавших в разные периоды ее существования, см.: *Fenster E. Laudes Constantinopolitanae // Miscellanea Byzantina monacensia. München, 1968. Ht. 9. S. 70, 125, 135, 233, 284; Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV—начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 г. М., 1983. С. 56—59.*

⁴⁹ Надо полагать, как раз по причине такого сближения при образовании данного сложного топонима древние скандинавы ориентировались именно на прилагательное *mikill*, а не на синонимичное ему *stórr*.

⁵⁰ См., например, топонимы, обозначающие земли и города по «Восточному пути» и «Западному пути»: *Eistland, Kúrland, Kirjálaland, Finnland, Aldeigja, Mógarar, Surdalar, Palteskia, England, Bretland, Nordimbraland, Lundún (Lundúnaborg), Grimsbær, Jörvík, Vincestr*. Пример совершенно аналогичного подхода к передаче древнерусского топонима древним скандинавом, воспроизводимым в общих чертах фонетический облик иноязычного слова и одновременно нерелевантным для его составляющих на свой лад, находим и в сочинении Константина Багрянородного (*De adm. imp., cap. 9*), пользовавшегося в середине X в. при составлении описания Восточной Европы информацией прибывших в Византию через Русь варягов: *Νεβογαρδάς < * Nevo-garðr <*

Континентальные связи древнескандинавской топонимии пути «из „гарт в греки» с древнерусской и византийской.
 Ус. зные обозначения: 1 — сближение по созвучию; 2 — калькирование.

Hólmgarđr мог послужить только приильменский *ХЪЛМЪ-ГОРОДЪ.⁵¹

Согласно летописным свидетельствам, «Холмом» именовался один из районов средневекового Новгорода в южной части Славенского конца.⁵² Результаты геологического бурения показали, что появление такого названия действительно объясняется особенностями первоначального микрорельефа местности,⁵³ как это и представляли себе историки и археологи.⁵⁴ Следовательно, хотя ХЪЛМЪ в Новгороде упоминается в летописи впервые в 1134 г.,⁵⁵ возникновение этого топонима логичнее всего относить к самому раннему периоду существования славянского поселения на возвышенности правого берега Волхова — в пределах будущего Славенского конца.⁵⁶ Не исключена, правда, возможность того, что «Холмгородом» называлось сначала (во второй половине IX в.) поселение на территории нынешнего Городища под Новгородом, и лишь впоследствии, с переселением его обитателей на территорию будущего Славенского конца (где археологами пока что не найдены столь же рано датируемые напластования культурного слоя), туда был перенесен ими и привычный топоним, благо к этому могло располагать сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого мест.⁵⁷ Однако вопрос

⁵¹ Тем самым полностью опровергается тезис, что названия городов, лежавших на пути «из варяг в греки», оформленные при помощи корня *gard-*, являются собственно скандинавскими наименованиями (ср.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья: (К постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3. С. 84; Глазырина Г. В. Материалы для изучения исторической географии Восточной Европы, содержащиеся в скандинавских сагах о древних временах // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 133).

⁵² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 23, 27, 40, 44, 45, 71, 208, 231, 238, 240, 280.

⁵³ Кушнир И. И. 1) Новгород, 2-е изд. Л. 1972. С. 8; 2) К топографии древнего Новгорода // Советская археология. 1975. № 3. С. 178; 3) Архитектура Новгорода. Л., 1982. С. 5—6. — По данным И. И. Кушнира, холм на Славне возвышался над прилегающей территорией на 7—8 м. Для равнинного Приильменья такая высота несомненно означала весьма заметное всхолмление местности (ср. также название другой, незначительной по обычным понятиям возвышенности в ближайших окрестностях средневекового Новгорода — Сивичья гора) (Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1980. Ч. 1. С. 550, 551). Топоним ХЪЛМЪ/ХОЛМЪ, распространенный повсеместно на Руси, вполне обычен и для Новгородской земли (ср., например, Холм — древний погост на р. Ловать).

⁵⁴ Ср.: Арциховский А. В., Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1—2. С. 62; Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 119—120.

⁵⁵ Новгородская первая летопись... С. 23, 208.

⁵⁶ Для сравнения укажем, что топонимы «Славно» и «Славенский конец» впервые появляются на страницах летописи под 1105 и 1234 гг. (Новгородская первая летопись... С. 19, 71, 203, 280).

⁵⁷ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода... С. 87; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. С. 111.

о возможности такой миграции топонима, послужившего прототипом для древнескандинавского *Hólmgarðr*, смогут разрешить, по-видимому, только последующие археологические раскопки обоих названных центров приильменских славян.

З. Г. САМОДУРОВА

КРАТКАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ХРОНИКА VI в. И ЕЕ ВЕРСИИ.

(К ВОПРОСУ О ПРОТООРИГИНАЛЕ МАЛЫХ ДРЕВНИХ ХРОНИК)

Изучение малых, так называемых древних хроник, представляющих собой перечни имен и дат с лаконичным описанием отдельных наиболее достопримечательных, по мнению их авторов, событий, является насущной и важной задачей византийской хронографии. Рассматриваемые сочинения были широко распространены в Византии. Их весьма часто можно встретить в рукописных сборниках самого разнообразного содержания. Многие из них уже опубликованы, еще большее число их не издано, и они известны только по описаниям греческих кодексов, хранящихся в различных архивах и библиотеках мира.¹

Среди исторических памятников Византии краткие компендии, дошедшие до нас в таком изобилии, занимают особое место. Анализ столь массового материала обогащает наши представления об истории как отрасли знания, помогает реконструировать утраченные хронографические труды, определить состав и степень их распространенности. Известно, что многие исторические сочинения первых веков новой эры либо навсегда потеряны, либо сохранились только в виде извлечений и отрывков или в позднейших обработках и переводах. В основу же повествования древних малых хроник положены оригиналы, базирующиеся на некоторых не сохранившихся до нас произведениях: на Хронографиях Секста Юлия Африкана (III в.), Евсевия Кесарийского (первая половина IV в.), Панодора (IV—V вв.) и Анниана (IV—V вв.). Понятна поэтому важность кратких хронографических компендиев для восстановления и критики текста сочинений названных писателей. Однако использование малых древних хроник для реконструкции ныне утраченных трудов первых христианских хронистов возможно лишь на основании тщательного текстологического анализа, который позволит отделить древнейшие, подлинные части в них от позднейших наслоений.

¹ Самодурова З. Г. 1) К вопросу о малых византийских хрониках // ВВ. 1962, XXI. С. 127; 2) Малые византийские хроники и их источники // Там же. 1967, XXVII. С. 153—154.